

В. Н. Бибило

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, принятый в 1999 г. [1], внес существенные изменения в систему расследования и рассмотрения уголовных дел. В определенной мере реформы коснулось и доказательственное право, одной из особенностей которого стало законодательное закрепление критериев допустимости доказательств, а также оснований признания их недопустимыми и как итог этого не имеющих юридической силы для доказывания обстоятельств общественно опасного деяния.

Проблемы допустимости доказательств в уголовном процессе оказались в центре внимания исследователей, начиная со второй половины XX в. Их актуализация напрямую связана с развитием научно-технического прогресса и демократизацией общественной жизни. К тому же упрочение принципов правосудия предполагает поиски условий, при наличии которых в систему уголовного процесса будут попадать только допустимые доказательства.

Юридическая теория и практика прошла длительный путь развития, прежде чем в законодательстве были закреплены требования, связанные с допустимостью доказательств как одним из проявлений свободной оценки доказательств.

В Уставе уголовного судопроизводства Российской империи 1864 г. [2], действие которого распространялось и на белорусское население, достаточно детально регламентировался порядок проведения отдельных следственных действий, нарушение которого влекло исключение полученных сведений (доказательств) из уголовного процесса, но обобщенного понятия допустимости доказательств не содержалось. В юридической литературе второй половины XIX в. – начала XX в. проблемы допустимости доказательств исследовались преимущественно в аспекте деления их на первоначальные, которые признавались более надежными, и производные, вторичные, при невозможности получения первичных. Например, Н. Н. Розин отмечал: «Допустимость доказательств обуславливается, прежде всего, их на-

дежностью и безупречностью с внутренней, психологической точки зрения. В этом смысле теория процесса делит доказательства на первичные, получаемые из первоисточника (свидетель лично наблюдал факт; документ устанавливает факт), и вторичные, получаемые из вторых рук (свидетель слышал о факте; копия документа, подтверждающего факт), и рекомендует суду пользоваться более достоверными, первичными доказательствами, а вторичными – лишь тогда, когда нет возможности добыть первичное доказательство» [3, с. 394].

Оценивая значимость научных разработок русских дореволюционных юристов, современный российский исследователь В. И. Толмосов пришел к выводу о том, что для пореформенной русской уголовно-процессуальной науки было характерно отсутствие четких граней между относимостью и допустимостью доказательств, хотя были попытки определить допустимость каждого из видов источников доказательств [4, с. 172–173].

УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г., действие которых распространялось и на Беларусь, привнесли определенную новизну в доказательственное право. В статье 38 УПК 1923 г. [5] отмечалось: «Доказательствами являются показания свидетелей, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы осмотров и иные письменные документы и личные объяснения обвиняемого». Но особый интерес представляет ст. 57: «Суд не ограничен никакими формальными доказательствами и от него зависит, по обстоятельствам дела, допустить те или иные доказательства или потребовать их от третьих лиц, для которых такое требование обязательно. Присяга как доказательство не допускается».

В советской юридической науке до середины 50-х гг. XX в. преобладало мнение, основанное на трактовке изложенных в УПК норм права. Так, М. А. Чельцов, продолжая научные традиции дореволюционных процессуалистов, обратился к идее определения допустимости доказательств исходя из деления их на подлежащие доказыванию (связаны с фактом совершения преступления) и не подлежащие доказыванию (общеизвестные факты, сверхъестественные явления и т. п.). Кроме того, по его мнению, необходимо законодательное определение запретов на использование отдельных источников доказательств (показания по слухам, молва, присяга, анонимные сообщения и т. п.) [6, с. 153].

Значительный шаг в развитии доказательственного права был сделан в результате реформы уголовно-процессуального права в конце 50 – начале 60-х гг. XX в., когда в 1958 г. был принят общесоюзный нормативный правовой акт – Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик [7], а затем в каждой союзной республике – УПК, где была сформулирована статья «Доказательства», в которой излагалось понятие доказательств. Самостоятельной нормы права о допустимости доказательств не содержалось. Лишь в ч. 2 ст. 65 «Оценка доказательств» УПК БССР [8], как и в соответствующих статьях УПК других союзных республик, отмечалось, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы.

Между тем, начиная с 60-х гг. XX в. постепенно начала утверждаться точка зрения, что относимость доказательств необходимо связывать с «фактическими данными», с информацией, оставленной на объектах материального мира и в сознании человека, а допустимость – с источниками получения этой информации. Наиболее последовательно это мнение отстаивал Ф. Н. Фаткуллин, который отмечал: «Определение доказательств как фактических данных, на основе которых устанавливаются исследованные обстоятельства <...> дела, является единственно правильным исходным положением для четкого уяснения содержания этого понятия» [9, с. 102] и далее: «Допустимость является характеристикой не конкретных сведений о фактах, не самих судебных доказательств, а их источников. Она связана прежде всего с теми или иными свойствами носителя фактической информации и форм их получения» [9, с. 130]. При этом если «относимость доказательств зависит от их объективной необходимой связи хотя бы с одним из искомых фактов, то определение допустимости источников доказательств предполагает учет ряда факторов: на него влияют не только свойства непосредственно самих возможных источников, но и природа, задачи и принципы существующей в стране процессуальной системы и ряд других моментов, принимаемых во внимание законодателем» [9, с. 130]. М. М. Михеенко, поддерживая точку зрения Ф. Н. Фаткуллина, уточняет, что если «вопрос об относимости доказательств решается главным образом с точки зрения их содержания, пригодности для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу, и иных обстоятельств, имеющих значение для дела, то при решении вопроса о допустимости доказательств и их источников принимается во внимание соблюдение процессуальной формы их привлечения в дело» [10, с. 19].

К слову сказать, термин «источники доказательств» УПК БССР 1960 г. [8] не использовал, как и УПК РСФСР 1960 г. [11]. И лишь УПК Республики Беларусь 1999 г. в ч. 2 ст. 88 воспринял данное понятие. Что же касается УПК Российской Федерации 2001 г. [12], то о нем не упоминается. Более того, российский законодатель существенным образом преобразовал правовую дефиницию доказательств, предложив их единое понятие. В части 1 ст. 74 «Доказательства» отмечается, что доказательствами по уголовному делу являются «любые сведения», а в ч. 2 говорится: «В качестве доказательств допускаются...» и далее перечислены те доказательства, которые подпадают под понятие «источники доказательств». В российской юридической науке неоднозначно были восприняты такого рода изменения в УПК. А. Р. Белкин отмечает: «К сожалению, и в новом УПК РФ законодатель не счел нужным разграничить терминологически понятия “доказательства” и “источники доказательств”, но мы по-прежнему полагаем, что под источником доказательств следует понимать ту процессуальную форму, в которую облечены фактические данные – доказательства, показания участников процесса, документы, заключения экспертов, вещественные доказательства. Перечень этих источников в ч. 2 ст. 74 УПК РФ носит исчерпывающий характер и соответствует тем следственным действиям, в процессе которых источники могут быть получены» [13, с. 26–27].

Система источников доказательств зависит от многих факторов, два из которых, пожалуй, являются самыми важными. Во-первых, необходимо учитывать возможности научно-технического прогресса по изъятию информации со следов-отражений (материальных и идеальных) и, во-вторых, соблюдать при этом права и законные интересы человека. Так, согласно ч. 2 ст. 88 УПК Республики Беларусь 1999 г. [1] протоколы оперативно-розыскных мероприятий, хотя и с определенными оговорками, изложенными в ст. 101 УПК, являются источниками доказательств. Данный источник доказательств не упоминался в УПК БССР 1960 г. [8].

Следует учитывать, что и фактические данные, и источники доказательств (фактических данных) исходят от человека, дающего показания, объяснения, заключения, составляющего документы, протоколы и т. п. Порядок получения и оформления их информации зависит от ее особенностей.

В УПК Республики Беларусь 1999 г. [1] достаточно четко отграничены сами доказательства (любые фактические данные) и источники

доказательств. Белорусский законодатель понятие допустимости доказательств связывает именно с источниками доказательств, о чем сказано в ч. 3 и ч. 4 ст. 105, где во главу угла ставится сам порядок получения доказательств, нарушение которого влечет недопустимость доказательства. В Российской Федерации произошло отождествление доказательств и их источников или точнее понятие доказательств уточняется через их источники. В связи с таким подходом в понимании доказательств их допустимость основывается не только на процедуре получения информации, но одновременно и на учете самих сведений о фактах, подлежащих доказыванию. Особенно ярко данный аспект заложен в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК Российской Федерации, где сказано, что к недопустимым доказательствам относятся «показания потерпевшего, свидетеля, основанные на догадке, предположении, слухе, а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности» [12].

Несмотря на то что российский законодатель не применяет в УПК понятие «источники доказательств», оно продолжает достаточно активно использоваться в российской юридической науке. Однако некоторые авторы предлагают в него вкладывать несколько нетрадиционный смысл, придерживаясь мнения, что источники доказательств – это лица, от которых исходят доказательственные сведения (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, т. е. физические и юридические лица, в том числе следователь, дознаватель и т. п.) [14, с. 187]. Действительно, участники уголовного процесса являются своего рода первоисточником доказательств, хотя их наличие не всегда предполагает появление доказательств, например, когда свидетель отказался от дачи показаний. В рассматриваемом аспекте важна не только специфика запечатленной информации, но и способ ее извлечения.

УПК же Республики Беларусь относит допустимость доказательств к одному из свойств оценки доказательств, наряду с их относимостью, достоверностью и достаточностью, оговаривая в ч. 3 ст. 105, что допустимость распространяется именно на источники доказательств. В отличие от УПК Российской Федерации, где в отдельной статье изложены правила, при наличии которых доказательства признаются недопустимыми (ст. 75) [12], УПК Республики Беларусь не содержит какой-либо отдельной статьи, в которой компактно были бы сформулированы правовые нормы о том, в каких случаях доказательства признаются недопустимыми. Они перечислены в ст. 105 УПК наряду с другими свойствами доказательств.

Вопрос о понятии, а значит и о критериях допустимости доказательств в законодательстве увязывается с понятием самого доказательства.

Формулировка доказательств, приведенная в ст. 88 УПК Республики Беларусь, не является четкой, во-первых, из-за неясности понятия «любые фактические данные» и, во-вторых, недостаточной корреляции с предметом доказывания, который в ст. 89 УПК представлен в виде термина «обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу». Если использовать философские категории «содержание» и «форма», то можно сделать вывод, что содержание – это сведения об обстоятельствах (любые фактические данные), а форма – их источники (источники доказательств). В реальности доказательства проявляются как единое целое и в УПК их дифференциация вряд ли необходима. Но она полезна для выявления свойств доказательств, поскольку способствует более глубокому их анализу. Кроме того, уточнение, что доказательствами являются именно «любые» сведения, не является необходимым ввиду того, что существуют ограничения по предмету и пределам доказывания, а также сама природа доказательств предполагает их избирательный характер.

Независимо от особенностей правовых дефиниций понятия «доказательства», допустимость необходимо связывать с порядком получения сведений о фактах, подлежащих доказыванию, т. е. допустимость – это свойство именно источников доказательств (показания свидетелей, потерпевших и т. п.), а не самого содержания сведений о фактах, природе которого должен соответствовать такой атрибут, как относимость. Прав Ю. К. Орлов, который отмечает, что «допустимость» относится только к форме и никак не касается содержания доказательства» [15, с. 44]. Не соглашаясь с авторами монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» [16], полагающими, что допустимость в равной мере относится и к процессуальной форме доказательства, и к его содержанию, поскольку неразрывно связаны, Ю. К. Орлов отмечает, что такая связь вовсе не исключает их раздельной проверки и оценки, поскольку к ним предъявляются совершенно различные требования. Ведь доказательство может быть вполне пригодно по форме, но не пригодно по содержанию, то есть неотносимо (факт, не интересующий следствие) и наоборот (орудие преступления, изъятое с грубыми процессуальными нарушениями) [15, с. 44–45]. Связь между этими свойствами Ю. К. Орлов

видит в том, что для признания доказательств пригодными необходимо и то и другое, в остальном же они никак между собой не связаны и одно от другого не зависит [15, с. 45].

Итак, допустимость доказательств является свойством источников доказательств, приложима к порядку их получения, поскольку связана с удостоверительным аспектом.

В юридической литературе с различной степенью детализации предлагаются соответствующие условия, или, как теперь их принято именовать, критерии допустимости доказательств. А. И. Трусов выделяет два условия (критерия) допустимости доказательств: 1) законность источников получения доказательств; 2) законность порядка пользования ими [17, с. 554], Е. А. Матвиенко – три: 1) получение фактических данных из надлежащих процессуальных источников; 2) установленный законом порядок; 3) соответствующее закрепление полученных сведений [18, с. 142]. Н. А. Громов и С. А. Зайцева расширили их перечень, включая: 1) источник получения сведений; 2) законность приемов и способов их получения; 3) соблюдение процессуального порядка их получения; 4) соблюдение требований процессуальной формы их закрепления; 5) получение доказательств надлежащим лицом; 6) соблюдение прав и охраняемых законом интересов личности [19, с. 65–82]. И. Б. Михайловская отмечает: «Допустимое доказательство должно соответствовать следующим условиям: а) надлежащий субъект его получения; б) законность источника сведений; в) использование для его получения лишь того следственного либо судебного действия, которое предусмотрено законом; г) проведение следственного (судебного) действия с соблюдением установленных законом требований» [20, с. 105]. В юридической науке предложены и иные критерии допустимости доказательств уточняющего или обобщающего характера [21, с. 107–116; 22, с. 128–129; 23, с. 27; 24, с. 37–64; 14, с. 184–192; 25, с. 7; 26, с. 34–37; 27; 28, с. 24–26].

Допустимость доказательств, согласно ч. 3 ст. 105 УПК Республики Беларусь, выявляется по следующим критериям: 1) получение доказательств органом, ведущим уголовный процесс; 2) в установленном УПК порядке; 3) из предусмотренных законом источников.

УПК Республики Беларусь таким образом связывает допустимость доказательств с порядком их получения. Какие же последствия наступают, если не был в достаточной мере соблюден этот порядок? На этот счет в ч. 4 ст. 105 УПК содержится категорический ответ: «Доказательство признается недопустимым, если оно получено с на-

рушениями конституционных прав и свобод гражданина или требований настоящего Кодекса, связанными с лишением или ограничением прав участников уголовного процесса или нарушением иных правил уголовного процесса» [1]. Исходя из буквального толкования этой нормы любые нарушения в порядке получения доказательств влекут их недопустимость.

Следует отметить, что еще в 1963 г. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении «О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел» от 18 марта 1963 г. указал, что в основу судебного решения не могут быть положены материалы, полученные с нарушением процессуального порядка собирания доказательств, включая и «так называемые незначительные отступления от требований процессуального закона» [29, с. 168–169]. Такая позиция не получила значимой поддержки в юридической науке. Наоборот, начало утверждаться мнение, что допустимость доказательств необходимо связывать с характером процессуальных нарушений. В монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» отмечается, что «допустимость доказательства, полученного в результате действий органов расследования или суда, в ходе которых допускались нарушения процессуальных правил (отступления от них) зависит от: а) характера нарушения (пробела), которое не должно создавать неустранимых сомнений в достоверности полученных данных; б) фактического восполнения пробелов и «нейтрализации» последствий нарушений с тем, чтобы устранить возникшие сомнения. Отсутствие хотя бы одного из этих условий влечет недопустимость доказательств» [16, с. 245].

Полемика вокруг данной проблемы особенно оживилась в связи с подготовкой и проведением реформы уголовно-процессуального законодательства. При этом наметилось два направления. Одно – основано на безусловной недопустимости доказательства при любом нарушении закона, получившее заимствованное из американской практики образное название «плодов отравленного дерева». Второе – связано с дифференцированным подходом к оценке процессуальных нарушений, разделяя их на существенные и несущественные, восполнимые и невосполнимые.

В современной юридической науке преобладает мнение, что институт допустимости доказательств сформулирован слишком жестко. Необходимо различать и устанавливать степень существенности процессуальных нарушений.

В. Зажицкий полагает, что в процессе оценки доказательств на предмет их допустимости в УПК следовало бы использовать термины «существенные нарушения закона», тем более что применительно к основаниям отмены или изменения приговора в кассационном порядке он применяется. При этом автор предлагает закрепить в УПК «хорошо продуманный перечень существенных нарушений закона, каждое из которых должно непременно влечь признание доказательств недопустимости» [30, с. 27], уточняя, что этот перечень должен быть «закрытым», и одновременно делая оговорку, что «существенными могут быть признаны и другие допущенные при производстве по уголовному делу нарушения закона, если они повлияли или могли повлиять на достоверность полученного доказательства» [30, с. 27]. С. В. Некрасов, изучив значительный массив материалов уголовных дел, выявил 65 разновидностей фактов нарушений уголовно-процессуального закона, многие из которых влекут утрату юридической силы доказательств [31, с. 74–114].

Закреплять в УПК перечень существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые должны влечь признание доказательств недопустимыми, неприемлемо, причем не только из соображений громоздкости нормативных правовых предписаний и необходимости соблюдения правил юридической техники, но и по причине объективной невозможности охватить все существенные нарушения закона. Ведь правоприменительная практика столь разнообразна, что могут появляться все новые и новые нарушения, которые по своей значимости необходимо будет относить к существенным. Остается одно: предоставить право суду по собственному усмотрению решать вопрос о существенности или несущественности нарушений закона. При этом надо исходить из того, что по возможности необходимо устранять любые нарушения УПК. Если, например, на одной из страниц протокола допроса будет отсутствовать подпись допрошенного, то такой недостаток тоже надо устранить, а не ограничиваться лишь констатацией факта несущественного нарушения закона. Но если к моменту обнаружения дефекта доказательства невозможно его устранить, то в подобных случаях необходимо установить, является ли нарушение УПК существенным, и в зависимости от ответа на данный вопрос признавать доказательство допустимым или недопустимым. Предоставление суду таких дискреционных полномочий не только

ускорит судопроизводство, но и явится фактором повышения авторитета судей [32, с. 160–171].

Как правильно отмечает К. И. Сутягин, способами восстановления юридической силы доказательств (устранения допущенных нарушений) могут быть следующие: истребование предметов и документов, подтверждающих какой-либо факт; проведение дополнительных следственных действий; приобщение к уголовному делу рапорта лица, проводившего следственное действие, о причинах допущенных нарушений с возможным приобщением каких-либо документов (например, ксерокопии паспорта свидетеля) [24, с. 96]. «Повторным проведением следственного действия ничего не восстанавливается, не устраняется и не нейтрализуется» [24, с. 94]. Доказательство, полученное при проведении первоначального следственного действия, остается недопустимым. В свою очередь, к доказательствам, собранным в ходе повторного следственного действия, необходимо предъявлять требования допустимости доказательств.

Процессуальные нарушения должны устраняться на любой стадии уголовного процесса прежде всего тем органом, который допустил их, а в последующем и обнаружил. Но именно суду принадлежит право по собственной инициативе либо по ходатайству сторон окончательно разрешить вопрос о допустимости доказательства. Действующее белорусское уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает какой-либо самостоятельной стадии уголовного процесса, где специально рассматривались бы вопросы допустимости доказательств, что означает: стороны на любом этапе производства по уголовному делу вправе заявить ходатайство о признании доказательства недопустимым.

Таким образом, необходимо уточнить редакцию ч. 4 ст. 105 УПК Республики Беларусь, указав: «Доказательство, полученное с существенным нарушением требований настоящего Кодекса, является недопустимым. Недопустимое доказательство не имеет юридической силы и не может использоваться для доказывания обстоятельств, предусмотренных статьей 89 настоящего Кодекса».

Список использованных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: с изм. и доп. по состоянию на 12 февр. 2010 г. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2010. – 432 с.

2. Устав уголовного судопроизводства // Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. – М.: Юрид. лит., 1984–1994 г. – Т. 8: Судебная реформа. – 1991. – С. 120–251.

3. *Розин, Н. Н.* Уголовное судопроизводство: пособие к лекциям / Н. Н. Розин. – 3-изд., пересм. – Пг., 1916. – 597 с.

4. *Толмосов, В. И.* История становления и развития института допустимости доказательств в уголовном процессе России / В. И. Толмосов // Правовая политика и правовая жизнь. – 2005. – № 2. – С. 170–176.

5. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: пост. ВЦИК, 15 февр. 1923 г. // История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1917–1954 гг.: сб. докум. / сост. Л. Н. Гусев; под ред. С. А. Голунского. – М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1955. – С. 251–294.

6. *Чельцов, М. А.* Советский уголовный процесс: учебник / М. А. Чельцов. – 2-е изд., доп. – М.: Госюриздат, 1951. – 511 с.

7. Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик: Закон, принятый Верховным Советом Союза Советских Социалистических Республик, 25 декабря 1958 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. – 1959. – № 1. – Ст. 15.

8. Уголовный кодекс Белорусской ССР; Уголовно-процессуальный кодекс Белорусской ССР: Офиц. текст с изм. и доп. на 1 апр. 1985 г. – Минск: Беларусь, 1985. – 368 с.

9. *Фаткуллин, Ф. Н.* Общие проблемы процессуального доказывания / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1976. – 207 с.

10. *Михеенко, М. М.* Доказывание в советском уголовном судопроизводстве / М. М. Михеенко. – Киев: Вища школа, 1984. – 134 с.

11. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР / отв. ред. А. К. Орлов. – М.: Юрид. лит., 1976. – 624 с.

12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. – М.: Приор, 2002. – 352 с.

13. *Белкин, А. Р.* Теория доказывания в уголовном судопроизводстве / А. Р. Белкин. – М.: Норма, 2005. – 528 с.

14. *Смирнов, А. В.* Уголовный процесс: учебник / А. В. Смирнов, К. Б. Калиновский / под общ. ред. А. В. Смирнова. – СПб.: Питер, 2004. – 697 с.

15. *Орлов, Ю. К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: науч.-практ. пособие / Ю. К. Орлов. – М.: Проспект, 2001. – 144 с.

16. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Юрид. лит., 1973. – 735 с.

17. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова и И. И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – 640 с.

18. Уголовный процесс БССР: учеб. пособие / под ред. С. П. Бекешко, Е. А. Матвиенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Минск: Высш. шк., 1979. – 544 с.

19. *Громов, Н. А.* Оценка доказательств в уголовном процессе / Н. А. Громов, С. А. Зайцева. – М.: Приор, 2002. – 128 с.

20. *Михайловская, И. Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И. Б. Михайловская. – М.: ТК Велби; Изд-во «Перспектив», 2007. – 192 с.
21. *Горский, Г. Ф.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г. Ф. Горский, Л. Д. Кокорев, П. С. Элькин. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1978. – 304 с.
22. *Кокорев, Л. Д.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание / Л. Д. Кокорев, Н. П. Кузнецов. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1995. – 272 с.
23. *Кипнис, Н. М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н. М. Кипнис. – М.: Юрист, 1995. – 128 с.
24. *Сутягин, К. И.* Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу / К. И. Сутягин. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 200 с.
25. *Игошин, В. В.* Допустимость доказательств в уголовном процессе / В. В. Игошин // Следователь. – 2006. – № 2. – С. 6–9.
26. *Селина, Е. В.* Допустимость доказательств и судебное усмотрение в уголовном процессе / Е. В. Селина // Государство и право. – 2009. – № 8. – С. 34–37.
27. *Агутин, А. В.* К проблеме допустимости источника доказательств в российском уголовном процессе / А. В. Агутин // Российский следователь. – 2004. – № 12. – С. 6–9.
28. *Алиев, Т. Т.* Доказательства, понятие, свойства / Т. Т. Алиев, Н. А. Громов, А. И. Гришин // Закон и право. – 2002. – № 3. – С. 22–26.
29. О строгом соблюдении законов при рассмотрении судами уголовных дел: пост. Пленума Верховного Суда СССР, 18 марта 1963 г. // Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1963. – М.: Изд-во «Изв. Советов депутатов трудящихся СССР», 1964. – С. 165–174.
30. *Зажицкий, В.* О допустимости доказательств / В. Зажицкий // Российская юстиция. – 1999. – № 3. – С. 26–27.
31. *Некрасов, С. В.* Толкование и применение уголовно-процессуальных норм о юридической силе доказательств / С. В. Некрасов. – М.: Юрлитинформ, 2008. – 184 с.
32. *Бибило, В. Н.* Проблемы юриспруденции: избр. тр. / В. Н. Бибило. – Минск: Право и экономика, 2010. – 470 с.

Поступила в редакцию 28.04.2011 г.